

Дмитрий Алтуфьев

Пострусские

Дмитрий Алтуфьев

Пострусские

«Издательские решения»

Алтуфьев Д. Ю.

Пострусские / Д. Ю. Алтуфьев — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-747386-0

Что делать? Кто виноват? — эти вечные русские вопросы безответны и неразрешимы, они идут фоном, пока на переднем плане Россия учащает витки своих циклов, и любые действия в рамках русского сознания лишь придают вращению новый импульс. Эта повестка вечного возврата устарела и грозит бедою, как всегда. Кто мы? Быть или не быть? — вот новые вопросы, и уже сейчас они требуют ответа у каждого. У свалившегося в штопор пилота два пути — вывести самолет либо прыгнуть. Эта книга — инструкция по выбору.

ISBN 978-5-44-747386-0

© Алтуфьев Д. Ю.
© Издательские решения

Содержание

Предисловие	6
1. Русь: конец и начало	8
Конец ознакомительного фрагмента.	12

Пострусские
Спецпроект альманаха «Острог»
Дмитрий Юрьевич Алтуфьев

© Дмитрий Юрьевич Алтуфьев, 2016

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Предисловие

Вчера советские, сегодня российские: идентичность мегапопуляции, обитающей промеж бывших национальных республик СССР, остается проблемой.

Нулевые дали свой ответ на запрос идентичности: это люди, которым нравится хорошо жить. Всё. Но время прошло, и суровый 2014-й ясно спросил любителей хорошо жить за идентичность.

Здесь неизбежность. Титульные жители Татарстана и татары, и россияне. Восточные славяне, песок Империи, бывают россиянами, но: либо «полными россиянами», людьми без иных маркеров, либо «русскими», русскими по племени.

Ряд ситуаций в России остро ставил вопрос «русских россиян». Им, бежавшим с Кавказа и средней Азии, не помогала диаспора и «свое» государство: их легко грабили, легко убивали, и единицы вставали на защиту «соплеменников». Памятная манифестация Манежки собрала агрессивную и организованную, но субкультуру, пусть по причине межплеменного конфликта.

Воинствующие девяностые показали природный актерский дар популяции: вчера бравые десантники, следователи, шоферы стали органичными бандитами, структурирующимися не по этническому, а по корпоративному принципу. Великие защитники русского имени прожили девяностые субкультурой, от «Памяти» до бритоголовых мобов: популяция же зализывала раны да тосковала по ушедшей идеократии.

Проблема идентичности, пережив и девяностые, и нулевые, требовала решения, и аннексия Крыма актуализировала взрыв понимания себя. Мы поняли.

Кем не являемся. «Русские» юго-востока Украины сделали Харьков и Днепрпетровск оплотом украинского государства. Русские идеологи занялись рекрутированием адептов в пушечное мясо для Новороссии, и вновь проявилось: нет русских как племени. Те, кто видел Русь племенем, либо ушли в субкультуру, либо обратились в донбасский кокс.

Вспышка триумфа «Русского Мира» стала символом его падения. Суть рассыпчатой русской массы, атомизированных, живущих разными идеями, вещами и символами индивидов, как имеющих потенциал общности бородастыми демиургами не раскрыта.

Одно очевидно: отчасти мы племя. Племя с неразвитыми механизмами племенной взаимопомощи. Племя огненного потенциала. Ведь антропологическое качество популяция не потеряла, а культурно мы остаемся носителями великого наследия русских классиков. Стало быть, будущее в виде тихого умирания нам не светит.

Мы будем жить и соединяться, но иначе. Привычка жить автономно от государства, привычка тянуться к «своим» сообществам дает нам шанс выстроить жизнь по-новому в будущей России. Либо Построссии.

И если русские принадлежали стране, государству, то оставаться ли русским после страны и после государства? А время «после» показывает себя.

Не коррупцией как стеновым хребтом вертикали власти и не монополией на насилие, проявленной региональным лидером. Не превращением армии в ЧВК по призыву: когда заплаканной матери говорят, что сын вместе с десятком сослуживцев погиб на учениях.

Нет, время «после» являет себя усталостью от страны. Серого государства, серой коммерции, ежесекундной борьбы за собственное достоинство, горечи ненужности ума и таланта стране-симулякру. Время «после» оставляет ли нас русскими?

Ответ однозначен и нерационален. Мы не племя, и Дмитрий Алтуфьев раскрывает как суть кризиса идентичности, углубляющегося по распаду Союза, так и путь популяции, сегодня по привычке называемой «народом».

Концепт русских как народа, племени, нации эпохами обрабатывали русские националисты. Автор вошел в этот дискурс лезвием скальпеля и, вскрыв кожу дискурсивной формации, увидел, что за ней пустота и зловоние там, где русским именем прикрывают междоусобицу.

Повторюсь, этническое сознание скажет: русские есть. Но много ли осталось этнического сознания? Автор раскрывает специфику преимущественных социальных связей внутри популяции, показывает, что даже «племенные» связи среди русских националистов идейны.

Помимо остроты темы книга выдается оригинальным стилем мышления. Живой слог и острая, беспощадная мысль.

Ветер свободы.

Александр Давыдов, научный редактор альманаха «Острог».

1. Русь: конец и начало

Страна, государство, народ... что происходит с этими понятиями в России? За прошлый век в стране сменилось три государства, каждый раз прошлое объявлялось проклятым, а русский народ яростно уничтожал себя и окружающих в очередной святой борьбе. Начало XXI века уже принесло войны в Грузии, Украине и Сирии, эти события так подхлестнули клячу постсоветской истории, что она, закусив удила, несется вскачь с невиданной прытью, увлекая повозку общества, а вокруг на глазах меняется ландшафт, сматывается ткань реальности, рвутся контексты идентичностей и создаются новые. Взобравшись на поручни подпрыгивающей колесницы и балансируя на краю, мы попытаемся здесь заглянуть за горизонт событий в нескольких направлениях.

Самые интересные моменты на нашем пути – повороты, где один отрезок смысла кончается и начинается иной. Первый раз все кончилось в XIII веке. «Слово о погибели Рускыя земли» (книга того времени) не оставляет места разночтениям. Современники оценили результат нашествия Батые не просто как военное поражение и подчинение ряда русских княжеств захватчикам, а как конец цивилизационной общности, катастрофу. Древнерусский цикл завершился, и началась иная история. Западнорусские земли и народ ушли в Литву, сделав это небольшое языческое государство Великим Княжеством, а восточнорусские оказались в составе империи монголов. Даже северные Псков и Новгород стали данниками Орды. Но все империи дряхлеют – их подтачивает соперничество составляющих частей. Наибольших успехов в таком соперничестве достигла Москва, а не Казань, Тверь или Крым, – двухсотлетняя история поездок ее князей за ханскими ярлыками в Каракорум и Сарай сделала московских владык самыми евразийскими не только среди русских, но и татарских улусников. Применяя принцип «Бей своих, чтобы чужие боялись», Москва сначала подмяла все ближние пределы, а затем и последний осколок вольности – Господин Великий Новгород.

Затем Московия продолжила имперский цикл Орды, победив в борьбе за ее передел и унаследовав царский титул от своих былых владык. Золотой тюбетей царя Узбека был оторочен сибирским соболем и увенчан крестом – так появилась «шапка Мономаха», символ царской власти и ее преемственности «не токмо от князей древлекиевских, но и цесарей византийских». Дальше империя росла, пока не пришла к дряхлости, но кровавая красная перезагрузка влила в шестерни госмеханизма столько русской крови, что советский извод империи протянул еще век. Теперь же русские фрустрированы и обескровлены, более они не могут тащить на себе все это цветущее евразийское многообразие, эту новую старую Орду.

Апологеты Третьего Рима предпочитают не вспоминать признаки упадка первых двух: роскошь, безответственность, деградация управления, обилие неработающих законов, всеобщее потребительство, разврат и всесмешение, опора на варваров-федератов. Москва завершает очередной цикл саморазрушения русского мира. Надломленный народ утратил основы самосохранения: чувство общности, тягу к продолжению рода, волю к жизни, способность к сопротивлению. В данной работе мы постараемся рассмотреть и понять происходящее через призму русского национализма, используя его как инструмент познания.

Русский национализм, который многие эксперты называли самым перспективным в России политическим течением начала XXI века, русский национализм, который казался сильнее двух других реальных течений – коммунизма и либерализма, последовательно дискредитировавших себя, русский национализм, имеющий потенциальную ресурсную базу в 82% населения – еще в «нулевые» словно уперся в стеклянную стену. Да, государство активно работает против него, но только этим ситуацию не объяснить. Уровень национального самосознания русских не выше бытовой ксенофобии, это дает чудовищный разрыв между 56% поддержкой населением лозунга «Россия для русских» и 2% поддержкой русских националистов. Упер-

шись в эту стену, национальный дискурс изогнулся и начал заворачиваться в себя. Стала складываться «нация националистов», люди всерьез заговорили о националистической повестке, о националистических победах и поражениях, о националистических СМИ и так далее. Русское движение, не став национальным, свернулось в националистическое. Националисты стали большой субкультурой и смирились с этим. Если самосознание русских сейчас и выше, чем в 90-е, то это заслуга скорее массовой миграции и антиукраинской телепропаганды, а не националистов. Это реакция, вторичность, а вовсе не проявление глубинной потребности в национальном единстве.

2014—2015гг следует считать еще одним знаковым концом – концом русского политического национализма, расколовшегося и увядшего. Ключевым моментом стало отношение к «Русской весне» на Юго-Востоке Украины. Одни националисты восприняли ее как форму реального русского возрождения, другие – как пропагандистский трюк, маскирующий советский реваншизм. Первые в этой связи заявляют о поддержке действий власти и ее имперских амбиций, или о том, что на данном этапе они являются попутчиками режима, при этом закрыв глаза на неосоветское перерождение РФ. Вторые непримиримы к антирусскому государству – правопреемнику СССР и являются последовательными противниками «красного» проекта в любых формах. В результате барометр русской националистической активности – Русский марш в Москве 4 ноября 2015г показал катастрофическое падение – дробление на несколько враждебных сегментов с рекордно низким числом участников.

Русская «птица-тройка» распалась, повозка (население) привычно увязла в грязи, а кони (националисты), оборвав постромки, унеслись куда-то вперед, перегрызлись и разбежались. Как такое стало возможным?

Возьмем еще один инструмент – пассионарную теорию этногенеза (ПТЭ) Л. Н. Гумилева. Суть ее в том, что каждый этнос проходит цикл, зависящий от уровня его пассионарности.

В традиционном изложении цикл состоит из семи фаз:

Срок	Название	Характеристика
0—150 лет	Инкубационный период	Рост пассионарности. Отражён только в мифах;
150—450 лет	Подъём	Фаза интенсивного роста пассионарного напряжения, характеризуемая энергичной экспансией нового этноса, резким ростом всех видов его активности;
450—600 лет	Акматическая фаза, или перегрев	Фаза временной стабилизации уровня пассионарного напряжения на наивысшем для данного этноса уровне. Характеризуется господством пассионариев жертвенного типа, наивысшим числом подсистем (субэтносов), предельной частотой событий этнической истории;
600—750 лет	Надлом	Резкий спад пассионарности. Гражданские войны, раскол этнической единицы;
750—1000 лет	Инерционная фаза	Постепенное снижение уровня пассионарного напряжения, сопровождающееся укреплением государственной власти и социальных институтов, интенсивным накоплением материальных и культурных ценностей. Эпоха Возрождения и вообще всякое возрождение интереса к культурному строительству и к культурным достижениям прошлого очень часто свидетельствуют о начале упадка пассионарности – пассионарии интересуются не прошлым, а настоящим и будущим;
1000—1150 лет	Обскурация	Окончательное снижение пассионарного напряжения до уровня ниже гомеостатического «нулевого» за счет значительного увеличения числа субпассионариев. Окончательная деградация этнической и общественной системы, в которой из-за преобладания субпассионариев становится невозможной любая конструктивная деятельность, за исключением направленной на удовлетворение элементарных жизненных потребностей;
1150—1500 лет	Мемориальная	Сохранение только памяти о жизни этноса.

Как видим, время существования этноса составляет в среднем около 1200 лет, после чего он исчезает, специализируется (например, евреи, цыгане) или становится реликтовым (например, малые народности Севера и Дальнего Востока). Гумилев признавал, что вместе с развитием внутри- и межэтнических коммуникаций смены фаз могут ускоряться.

По выкладкам ученого, великорусский этнос как часть русского суперэтноса (воспользуемся имперской терминологией на время работы с ПТЭ) возник в XIII – XIV вв. Если сам Лев Николаевич в 1970—80е годы осторожно оценивал текущую фазу россиян как инерционную, то сейчас есть основания говорить уже о следующей фазе – обскурации. Из нее два выхода: в мемориальную фазу или же развитие новой этнической доминанты, возрождение пассионарности и новый цикл этногенеза. Гумилев подчеркивал, что новая доминанта может возникнуть лишь на окраине ареала этноса/суперэтноса. Центр к тому времени будет сплошь субпассионарен, беспомощен и бесплоден. Мы полагаем деградацию ядра великорусской популяции причиной столь долгой безответной дискриминации «национального большинства» России и более чем скромных достижений националистов. Уровень национального самосознания и этнической солидарности русских на порядок уступает окружающим, обступающим и инфильтрирующим народам. Если большинством особей утрачен безусловный рефлекс объединения, то популяция распадается, учит этология. Кратковременные всплески происходят лишь реактивно, в ответ на тяжкие демонстративные преступления провокаторов ксенофобии.

В логике пассионарной теории этногенеза надежду русским оставляет лишь возникновение новой этнической доминанты на окраине ареала с последующим распространением импульса пассионарности на близкородственное истощившееся ядро, укрепление новой иден-

тичности и дальнейшая экспансия. Истории известны целые цепочки подобных «перезагрузок», но из уважения к Л. Н. Гумилеву мы решили остановиться на его «коньке» – тюрках.

Небольшое алтайское племя тюркютов, добывавшее железо для воинственных соседей, в середине VI века сплачивает их и на волне пассионарного подъема за несколько десятилетий уничтожает мощь некогда грозных жужаней, усуней, уар и эфталитов и наследует их власть и земли. Тюрки становятся хозяевами всех степей от Хингана до Волги. В войнах сломлено сопротивление Персии, Византии и Северных царств Китая. Тюрками захвачены Крым, Северный Кавказ, Средняя Азия и Маньчжурия. Каганат простерся широкой лентой вдоль всего Шелкового Пути, став одним из крупнейших в истории древних государств Азии. Однако уже в 603г. Тюркский каганат разделился сначала надвое, а затем, после череды межплеменных войн и вторжений, в середине VIII века распался, а рассеянные от Хазарии до Монголии тюрки попали под власть других народов, что прямо коснулось и наших предков¹. Но это был еще не конец.

В X веке одно из племен тюрков-огузов, кочевавшее у берегов Аральского моря, далеко на запад от своего алтайского этнического ядра, возглавил Сельджук ибн Тугак. Он объединил под своей властью часть местных племен, которых и стали называть «сельджуками». Сельджуки приняли ислам, что способствовало их дальнейшей консолидации. В XI веке они вышли за пределы своих пастбищ и приступили к созданию государственного объединения – державы Сельджукидов. Решающее значение для утверждения этой державы имела ее победа над войсками Газневидской державы – сильнейшего государства того времени в регионе. Она открыла путь сельджукам на территорию Афганистана, Персии, Ирака и Закавказья. Стратегическим направлением экспансии турок-сельджуков стал Запад. Разгром Византии вызвал переселение кочевых огузо-туркменских племен из Средней Азии в Переднюю. В руках сельджуков оказалась вся Анатолия, где возник Конийский (Румский) султанат – первое государство турок на территории современной Турции (1077—1307). Затем были завоеваны Сирия и Палестина, заняты священные города мусульман Мекка и Медина, а политическое влияние сельджуков распространилось вплоть до Египта. В фазе перегрева они еще смогли противостоять экспансии крестоносцев, но в XII веке держава сельджуков распалась на независимые султанаты. Затем, уже в XIII веке, почти все они были уничтожены, а рассеянные от Анатолии до Восточного Туркестана тюркоязычные племена были покорены монголами. Что касается Конийского султаната, то в 1243 году он стал вассалом монгольских правителей Ирана, а затем окончательно распался на ряд мелких враждующих княжеств – бейликов. Но и это был еще не конец.

На исходе XIII века один из бейликов Рума, основанный туркменским племенем кайы, прикочевавшим далеко на запад от аральской прародины предков, возглавил некто Осман. Историю Блистательной Порты мы приводить не будем.

Какой вывод следует из нашего экскурса? Пребывающие сейчас в инерционной фазе тюрки за полторы тысячи лет умудрились совершить три цикла, используя новые этнические доминанты, возникающие на окраинах прежнего ареала (Южный Алтай/тюркюты – Приаралье/сельджуки – Рум/османы). Вряд ли они делали это сознательно, понимание заменяло им знание, и родственные племена просто тянулись за лидером, за этнолокомотивом. Возможно, современные турки и алтайцы с трудом поймут речь друг друга, но в итоге им удалось сохранить свою жизнь, свой язык и свою кровь, продлить, распространить и приумножить свою цивилизацию, построить великие государства и прочно обосноваться в истории. Новый цикл развития этноса может быть вызван лишь очередным пассионарным толчком, при котором возникает новая популяция. Но она отнюдь не реконструирует старый этнос, а создает новый, давая начало очередному витку этногенеза. Каждый раз конец становится новым началом, и это наша главная идея. Лишь осознание конца позволяет приступить к новому началу.

¹ См. Д. Алтуфьев, И. Алексеев-Лексинен, Каганат русов: трофейная государственность, Острог, №9.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.